

УДК 32.019.51

Бобылев М.Б.,

*аспирант кафедры государственной политики
факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова*

Ковалева Е.В.,

*кандидат философских наук, доцент,
заведующий кафедрой философии и культурологии,
Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева*

Концепт «политическая стабильность» в западном и отечественном политическом дискурсе последнего десятилетия

Статья посвящена исследованию концепта политической стабильности в западном и отечественном политическом дискурсе последних десятилетий. Ключевые тенденции в осмыслении политической стабильности рассматриваются на примере нескольких характерных исследований и подходов, особое внимание уделяется системному подходу и принципу консолидации.

***Ключевые слова:** политическая стабильность, дестабилизация, общественные институты, системный подход.*

Bobylev M.B.,

*PhD student of the Department of State Policy,
Faculty of Political Science, Moscow State University*

Kovaleva E.V.,

*Candidate of Philosophy, Docent, acting Head of the Department of
Philosophy and Cultural Studies, Orel State University named after I.S. Turgenev*

The concept of "political stability" in the Western and Russian political discourse of the last decade

The article is dedicated to the study of the concept of political stability in the Western and Russian political discourse of recent decades. Key trends in the research of political stability are considered on the example of several characteristic studies and approaches, special attention is paid to the systems theory approach and the principle of consolidation.

***Keywords:** political stability, destabilization, social institutes, systems theory.*

Понятия «стабильность», «нестабильность», «дестабилизация» можно назвать узловыми концептами политического дискурса конца XX – начала XXI веков. В первую очередь это касается политической риторики, где обещания

стабильности и напоминания о возможной дестабилизации имеют силу психологического воздействия. На уровне политологических исследований понятие стабильности также является предметом постоянного внимания: его рассмотрению посвящено значительное количество статей. Однако в последние годы некоторые исследователи отмечают своеобразный кризис концепта «политическая стабильность». Так О. Р. Семченко, анализируя сложности, возникающие в связи с его трактовкой, иронически отмечает, что «поиски наиболее адекватного определения политической стабильности нестабильны» [Семченко, 2014: 55]. Об «исчерпании нормативного и мобилизационного потенциала концепта “стабильность”» говорит и А. О. Ярославцева — автор исследования, посвященного индексам стабильности [Ярославцева, 2012b: 15]. Является ли угасание интереса к понятию «политическая стабильность» результатом трудноразрешимых теоретических проблем или оно отражает изменившиеся запросы и тенденции политической практики — некоторую ясность в этот вопрос может внести обзор основных подходов к ее осмыслению.

Следует заметить, что рассмотрение политической стабильности на концептуальном и феноменальном уровнях традиционно сочетается с исследованием проблемы нестабильности и феномена дестабилизации. Эти понятия являются взаимодополняющими. С точки зрения концептуального анализа, «стабильность» обладает большей сущностной значимостью, а «нестабильность» выглядит как ее простое отсутствие. Но эмпирические исследования стабильности в большинстве случаев строятся на изучении дестабилизирующих факторов и явлений.

Основы концептуализации политической стабильности были заложены в западной, главным образом, американской, политологии в 60-х – 70-х годах. Ключевую роль сыграла системная теория Дэвида Истона. В ней выстраивается образ политической системы как «организма», для которого существенно важным является стабильность жизненных функций, сохранение устойчивости, способность держать равновесие при ответе на внешние вызовы.

Фактор, стимулировавший дальнейшее развитие темы, связан с практическими задачами. Необходимость выстраивания экономических отношений с недавними колониями порождает запрос корпораций на исследования «уровня стабильности» в странах третьего мира. Начинается разработка «индексов стабильности». Первый индекс стабильности политической системы (Political System Stability Index) был создан Д. Генделем, Г. Вестом и Р. Мидоу. В дальнейшем возникает целый ряд индексов, отличающихся набором критериев оценки.

Ответом на попытки классификации стран третьего мира по степени их «хрупкости» стала статья африканского политолога Клода Аке «Определение политической стабильности» [Ake, 1975]. Основываясь на системном подходе Истона, Аке расширяет поле «политических взаимодействий» и смещает акцент с политического действия на его субъекта — актора и его «роль». Ряд высказанных в статье идей и критических замечаний до сих пор не утратил актуальности.

Ситуацию, сложившуюся в исследовании политической стабильности к началу 2010-х годов, подробно освещает статья сотрудницы Разведывательного управления Министерства обороны США, Эли Марголис, опубликованная в журнале «Civil Wars» [Margolis, 2010].

Марголис выстраивает типологию подходов к решению проблемы политической стабильности, выделяя пять основных принципов, сложившихся в западной, преимущественно англоязычной, политологии к 10-м годам XXI века. Каждому из них соответствуют определяющие понятия, такие как: а) отсутствие насилия, б) отсутствие значимых структурных изменений, в) способность к управлению изменениями, г) удержание контроля над политической ситуацией, д) отсутствие явлений дестабилизации, определяемых при помощи системы индикаторов и коррелятов [Margolis, 2010].

Выделив сильные и слабые стороны каждого из подходов, Марголис делает общий вывод, согласно которому, при наличии у каждого из них определенных теоретических достоинств, ни один не помогает ответить на вопросы важные для политической практики: каким образом достигается стабильность, чем поддерживается, в чем главные причины дестабилизации. Она также указывает на общую недооценку роли общества и общественных институтов для поддержания политической стабильности.

В качестве альтернативы Марголис предлагает собственную теорию политической стабильности. Ее базовые положения восходят к концепции политических ролей и их интеракции К. Аке, а также основываются на представлениях о существовании в рамках системы «нормального» паттерна политического поведения, взятых у Дэвида Сандерса. Опираясь на эти источники, Марголис стремится дать собственное определение политической стабильности, исправляющее недочеты, отмеченные у предшественников, в частности, недооценку роли общественных отношений. По мнению Марголис, для достижения стабильности формальные роли и формируемые властями структуры должны совпадать с теми, которые устанавливаются в ходе неформальных социальных взаимодействий: «Политическая стабильность — это степень совпадения формального и неформального» [Margolis, 2010: 331].

Такое представление о политической стабильности фокусируется на взаимоотношениях между институциональной репрезентацией ролей и структур и находящейся в движении социальной конструкцией. Стабильность видится как результат сложного взаимодействия общества и государства, власти и социума, она достигается тогда, когда законы не противоречат традициям, требования государства совпадают с этическими установками, имплицитно сформировавшимися в культуре. Нестабильность, по Марголис, возникает в результате разрыва между формами и методами власти и ожиданиями общества. Можно сказать, что успех, согласно такой теории, определяется соответствием форм управления и властных структур культурному коду и традициям той или иной страны.

В какой-то степени подход Марголис пересекается с идеями Хантингтона, в частности, вызывает ассоциацию с его концептом «разрыва», сходным является и признание роли общественных настроений и институтов.

В целом, ее подход имеет существенные достоинства. Первое, что в нем располагает, — признание значения ценностей и норм конкретного общества. Эта идея явно расходится с практикой «насаждения демократии» в странах, чьи политические традиции и культура не создают для нее благоприятной почвы. Также Марголис признает неизбежными и важными изменения в самой политической системе [Margolis, 2010: 333, 334]. Однако схема, утверждающая стабильность как «совершенную корреляцию», представляется в чем-то оторванной от реальности. Усилия власти, направленные на достижение баланса с подвижной системой общественных отношений, не всегда способствуют задаче развития. Изменения системы, важность которых подчеркивается, на самом деле разворачиваются в направлении статики, их цель — балансировка, а не развитие. Любая программа модернизации в рамках системы стабильности, основанной на соответствии властной стратегии традициям общественных ролей и отношений, может существенно пошатнуть баланс. Также путь слияния «формального и неформального» затруднен в полиэтнических и поликонфессиональных государствах, где область неформального неоднородна.

Следы влияния Клода Аке обнаруживаются и в концепции стабильности другого американского исследователя — Кевина Валлиера. Так же, как и Марголис, Валлиер широко трактует поле политических взаимодействий и придает существенное значение действиям отдельных акторов. При этом он выделяет три базовых составляющих стабильности: высокую степень социального доверия и кооперации (долговечность), низкую краткосрочную изменчивость (баланс) и способность сопротивляться деструкции, вызванной неадекватными акторами (иммунитет) [Vallier, 2017: 231].

Валлиер ставит задачей исследовать стабильность как потенциал, а не как «результат», отвечая на вопросы, почему и каким образом формируется ситуация стабильности. При ее решении он опирается на системную теорию Д. Истона и теорию игр. Но главный источник — концепция американского утописта Джона Роулза. У него Валлиер берет понятия «хорошо организованного общества» (WOS) и «разумных акторов». Он выстраивает модель игры, по условиям которой акторы имеют доверие к институтам власти и обладают общим «чувством справедливости». Пытаясь преодолеть утопизм Роулза, Валлиер допускает, что в обществе не все акторы разумны и даже разумные могут принимать неверные решения под влиянием «коммуникативного дрейфа» [Vallier, 2017: 242]. Однако большинство акторов сохраняют разумность благодаря кооперации, ценность которой поддерживается правилами. В итоге модель игры демонстрирует акторов-граждан, «взаимодействующих в правовой среде, которая практикует выплаты акторам на основе их поведения — кооперативного или, напротив, несогласованного» [Vallier, 2017: 243].

Выводы Валлиера состоят в том, что основанием политической стабильности должна служить правовая сфера: законодательство выражает идею справедливости и организует справедливые отношения, поощряя кооперацию и наказывая «оппортунизм». Идеи Роулза дополняются прагматикой в духе

протестантской этики, но модель все же представляется утопичной. Принцип «выгодности и невыгодности» не всегда выдерживаются в политических взаимодействиях. Политика представляет собой более тонкую сферу, где рациональные мотивы соседствуют с иррациональными амбициями и пристрастиями, а стабильность предполагает, как минимум, «баланс прагматических и эмоциональных ориентаций» [Алмонд, Верба, 2014: 466].

Понимание стабильности как результата коалиции — устранения или минимизации разрыва между интересами и ценностями политических институтов и социума — отличают также Дэвида Вальднера и Эллен Ласт. В статье «Нежелательные изменения: примирение с отступлением от демократии» [Waldner, Lust, 2018] они рассматривают сложившиеся в американской политологии теории, объясняющие причины расшатывания демократий. Фактически предметом анализа служат концепции стабильности и дестабилизации политических систем. Обращение к теориям политической стабильности для объяснения отката от демократии характерно для западных исследований, поскольку демократия воспринимается ими как единственный тип политической системы, разрушение которого заслуживает беспокойства.

Рассмотрев ряд подходов к объяснению дестабилизации, авторы выделяют концепцию общественной коалиции: «мы считаем, что синтетический подход, основанный на коалициях, открывает самые широкие перспективы для будущих исследований» [Waldner, Lust, 2018: 109] Наличие общественной коалиции, поддерживающей важнейшие политические институты подается как ключевой фактор стабильности демократии. Эта коалиция может быть нарушена радикализацией и поляризацией общества. Радикализация происходит тогда, когда политические элиты пытаются переформатировать политический процесс, чтобы получить преимущества.

Обращает на себя внимание то, что, говоря о демократии, Вальднер и Ласт фактически имеют в виду нормальное состояние политической системы: вершину развития политических отношений, отдаление от которой означает путь по наклонной. Используемое ими слово *Backsliding* (*отступничество, вероотступничество*) имеет отчетливую негативную коннотацию. В целом, понимание авторами стабильности близко к представлению о неизменности структурных элементов — демократия создает условия для развития общества и экономики, но сама должна сохранять неизменность институтов и принципов.

Использование теории сложных систем позволяет связать понятие стабильности с возможной динамикой и структурными изменениями. Это демонстрирует статья Каролины Виснер «Стабильность демократии с точки зрения сложных систем» [Wisner, 2019]. Статья опубликована в журнале «European Journal of Physics» — универсальность системного подхода позволяет автору установить связи между физикой, экономическими знаниями и политологией. Параллель с физическими процессами помогает раскрыть некоторые стороны понятия «стабильность», а именно «полезное различие, которое можно провести между "надежностью" и "стабильностью"» [Wisner, 2019: 5]. Надежность относится к сфере модальности, а стабильность

«используется для обозначения устойчивости во времени или устойчивости к изменениям или возмущениям» [Wisner, 2019: 5]. Из чего следует, что «стабильная система не обязательно должна быть надежной, а надежная система стабильной» [Wisner, 2019: 5].

Еще один вывод, полученный благодаря параллелям с естественными науками, — это то, что «исследователям демократии необходимо перейти от аргументов, основанных на статическом равновесии, к более динамичным принципам, которые позволяют лучше понять то, насколько системы устойчивы к возмущениям» [Wisner, 2019: 10]. Автора интересуют экономическая динамика и ее влияние на политическую стабильность, также значение придаётся процессам, происходящим на уровне политической элиты. Раскол элиты видится наибольшей угрозой стабильности демократии на сегодняшнем этапе: «политические элиты пытаются изменить политику и получить постоянное преимущество за счет нарушения правил, игнорирования норм и следования стратегиям, которые считались запрещенными» [Wisner, 2019: 11]. Как тревожная тенденция отмечается увеличение роли медиаресурсов: дестабилизирующие явления могут приобрести лавинообразный характер, «когда у политических субъектов возникают стимулы распространять дезинформацию и усиливать радикализацию и поляризацию для достижения краткосрочных целей» [Wisner, 2019: 11].

В отечественной политологии актуализация проблемы политической стабильности начинается с 90-х годов. В России проблема была воспринята как социально-политическая, затрагивающая все процессы в социальном организме и общественном сознании. Особенность, связанная с характером внешнеполитической ситуации, — повышенное внимание к экзогенным факторам и устойчивости по отношению к внешним вызовам [Медведев 2003, Семченко, 2012], в связи с чем возникает тема информационного воздействия и роли масс-медиа [Бальбек, 2018, Ожиганов, 2012].

Достаточно часто отечественные политологи опираются на теорию сложных систем. Причем системный подход в их исследованиях восходит не только к трудам Д. Истона и Т. Парсонса, но и к разработкам отечественными учеными — В. Г. Афанасьева, П. К. Анохина и др.

С точки зрения теории систем, стабильность связана с устойчивостью, то есть способностью системы при малых изменениях начальных условий оставаться в положении равновесия [Андронов, Витт, Хайкин, 1981:95]. Стабильность является условием, при котором политическая система может самостоятельно поддерживать гомеостазис. На это ее качество обращает внимание О. Ф. Шабров [Шабров, 1997, 1999]. Опираясь на теорию функциональных систем В. Г. Афанасьева, он актуализирует понятие развития, подчеркивая, что оно неотделимо от политических процессов. «Более сложные системы — биологические, социальные и некоторые инженерные — поддерживают свое существование именно за счет внутренних качественных переходов, обеспечивающих адаптацию и развитие. Системная устойчивость и стабильность, достигаемые при помощи механизма адаптации за счет нарушений частного гомеостазиса представляют собой динамическую устойчивость и

динамическую стабильность» [Шабров, 1997]. Иными словами, опираясь на теорию систем, можно говорить о стабильности как о динамическом состоянии, что особенно важно в условиях стремительно меняющейся, реальности.

Политическая система открыта внешним влияниям, и эта открытость создает условия для дестабилизирующих воздействий. В связи с этим О. Ф. Шабров выделяет три необходимых фактора, повышающих устойчивость системы: внутренний механизм адаптации, механизм защиты, ограждающий систему от сигналов, которые не могут быть обработаны, и внешнюю среду, поставляющую необходимые компоненты [Шабров, 1999]. Характерна мысль Шаброва об органичности как качестве управления: «естественным образом функционирующий механизм управления играет стабилизирующую роль и настроен таким образом, чтобы уменьшать отклонения от нормы» [Шабров, 1999]. Попытки власти использовать рычаги управления для смены собственной структуры противоречат принципу естественности и «провоцируют управление на экспансию в сферу самоорганизации, нарушают гармонию и ведут к разрушению целого» [Шабров, 1999: 185].

В какой-то степени рассуждения О. Ф. Шаброва являются реакцией на демонтаж социалистической системы и призывы к реформам, не умолкавшие в течение 90-х. Автором признается необходимость изменений, но отрицается их «умышленность»: политическая система способна к самоорганизации, власть должна чутко прислушиваться к обществу, плавно и взвешенно корректируя курс.

О динамической стабильности в применении к политическим системам говорит и Р. И. Бальбек, ассоциируя ее с понятием «устойчивого развития». Также он дает определение политической стабильности как «способности региональной политической системы быть устойчивой, адаптивной, продуктивной и эффективной» [Бальбек, 2018: 145].

Реже отечественные исследователи обращаются к эмпирическому подходу и проблеме прогнозирования стабильности. Здесь можно отметить статью А. О. Ярославцевой [2012а], в которой проводится сравнение систем определения индекса стабильности, а также работу Х. А. Гаджиева и А. С. Семченкова [2020]. Ярославцевой также принадлежит исследование зависимости стабильности политической ситуации от типа политической системы [2012b]. В нем проявляется характерное для отечественных политологов стремление оспорить у демократии единоличное право на стабильность.

Мысль о важности общественного согласия и баланса интересов — то, что объединяет западных и отечественных исследователей последнего десятилетия, достижение этого баланса представляет собой, фактически, ту же проблему стабилизации, лишь взятую под другим углом.

Попытку анализа концепта «стабильность» можно найти в статье Х. А. Гаджиева, где проводится теоретико-методологическое исследование. В частности, автор, опираясь на системный подход, стремится провести различие между понятиями политической стабильности и устойчивости. «Если стабильность — это состояние системы, то устойчивость — ее свойство, ее возможности» [Гаджиев, 2019: 23] — такое объяснение различия является

достаточно распространенным. Но если стабильность — это состояние, то возникает вопрос времени, поскольку состояние фиксируется во времени. Собственно, состояние — это краткосрочная неизменность переменных значений. Но краткосрочная политическая стабильность никого не интересует: ценность и смысл стабильности в ее длительности. Можно сказать, что политическая стабильность — это относительная неизменность и устойчивость системы в течение определенного исторического периода. Поэтому эмпирически исследовать стабильность значит установить, что на протяжении некоторого периода политическая система функционировала без сбоев, количество противоправных действий и протестов не превышало привычных переделов.

Стабильность проявляется и наблюдается как отсутствие нестабильности. Она выражается в соблюдении законности и порядка, в соответствии действий акторов конституционным установлениям. Но конкретное законное действие или их ряд не означают и не гарантируют стабильности: проводимые с соблюдением всех демократических норм выборы в любой момент могут быть перечеркнуты снайпером, держащим на мушке партийного лидера. Слабая эмпирическая проявленность, отсутствие четких маркеров приближает понятие «политическая стабильность» к метафизическим. Оно легко становится предметом теоретизирования, но его трактовки оказываются неоднозначными. Эта отчасти объясняет, почему затянувшиеся поиски адекватного определения политической стабильности оказываются нестабильными [Семченко, 2014: 55].

Отождествление политической системы с организмом стало общим местом политической теории, однако стоит вспомнить и об отличиях. Политическая система, помимо эмпирического, имеет скрытый от наблюдения ментальный уровень. Результаты мониторингов не могут сообщить о том, какова будет реакция политических акторов на тот или иной вызов. Точки бифуркации хорошо видны, когда они пройдены, но слабо просматриваются в перспективе. Исследование устойчивости системы как потенциальной способности сохранять стабильность тоже представляет немалую сложность.

Проводя разграничения между стабильностью и устойчивостью, Х. А. Гаджиев утверждает, что система не может быть стабильной, но неустойчивой, но может быть устойчивой и нестабильной. В качестве доказательства приводятся неудавшиеся «революции» — в Южном Судане в 2013-м, в Бурунди в 2015-м и в Турции 2016 года [Гаджиев, 2019: 23]. Попытки переворотов очевидно говорят о нестабильности, но их провал свидетельствует о том, что системы были «достаточно устойчивы» [Гаджиев, 2019: 24]. Можно однако вспомнить, что события в Судане, хотя и не привели к смене власти, вызвали длительную гражданскую войну, а исход переворота в Турции решили несколько минут между бегством президента из Мармариса и прибытием путчистов. Критические события выявили «устойчивость», но в какой степени на нее можно полагаться в дальнейшем — неудача одного переворота не может гарантировать провал следующей попытки.

Можно взглянуть сквозь призму понятия стабильности на украинские события 2014 года. Переворот был осуществлен: произошли перестановки на уровне элиты, сменился внешнеполитический курс, были потеряны территории.

Но политическая система осталась прежней. На протяжении постсоветской истории Украина демонстрирует политическую нестабильность, но структура политической системы успешно пережила две «революции». Это приводит к вопросу о том, сводится ли политическая стабильность к стабильности политической системы?

Этот вопрос практически не ставился исследователями, он подспудно решался. Авторы, связывающие политическую стабильность с отсутствием структурных изменений, видят ее как стабильность политической системы, а те, кто признает возможность изменения структуры, — скорее, нет. К первым в большинстве относятся западные политологи, придающие первоочередное значение стабильности демократии. Знак равенства между политической стабильностью и стабильностью демократической системы отчасти оправдывается самой демократией, при которой «в идеале» все граждане рассматриваются как политические акторы.

Однако мы склонны примкнуть к критическим возражениям Э. Марголис, выдвинутым против принципа структурной неизменности. Чрезмерная забота об устойчивости политической системы может привести к отрыву власти от запросов общества и требований внешнеполитической ситуации. При самой широкой демократии значительная часть граждан остается в роли простых подданных, а не политических акторов, удовлетворяясь потенциальной возможностью участия в политической жизни, о чем свидетельствует, в частности, авторитетное исследование Г. Алмонда и С. Вербы [2014: 446, 447]. Не все и не всегда являются политическими акторами, но гражданами или подданными являются все. И это заставляет вспомнить о том, что политическая система является, по сути, служебной по отношению к системе государственной, главные функции которой — поддержание суверенитета и целостности границ. Эти структурные элементы системы определенно должны сохранять устойчивость, а их ценность должна стоять выше внутривнутриполитических разногласий. Цели общества, государства, нации могут потребовать реформирования и, соответственно, временной дестабилизации политической системы.

Здесь мы сталкиваемся с проблемой существования динамики «внутри» стабильности. Попытки преодолеть «статичность» стабильности характерны для системного подхода. Он позволяет выработать понятие «стабильное развитие»: развитие диалектически сочетается с регулярностью и устойчивостью. Эту идею мы отмечали у О. Ф. Шаброва. Однако дальнейшая разработка этой мысли иногда приводит к переоценке значения политической стабильности. То, что возможно стабильное развитие, не говорит о том, что стабильность — это и есть способность к развитию. Такое смещение понятий лежит в основе определения политической стабильности как «способности системы быть продуктивной и эффективной» [Бальбек, 2018: 145]. Несомненно, стабильность создает условия для успешной работы политической системы, но это только условия.

Рассмотрение концепта политической стабильности заставляет признать его несколько переоцененным. Слабая «эмпирическая проявленность» не позволяет стабильности (в отличие от дестабилизации) стать объектом активного

приложения политической воли. Признавая стабильность желательным и благоприятным состоянием политической системы, ее нельзя ставить целью, как нельзя рассматривать в качестве цели игры простое соблюдение правил. Для того чтобы прийти к стабильности, общество должно видеть впереди нечто большее, чем стабильность. По наблюдению О. Е. Гришина, «стабильность политической системы зависит от степени совместимости целей коллективных и индивидуальных субъектов политики» [Гришин, 2015: 53].

Понятие цели задает вектор, устремленный в будущее. Консенсуса власти и общества можно достичь, выработав общую цель, привлекательность которой способна нейтрализовать центробежные эгоистические устремления акторов. Формирование общезначимой цели и ее репрезентация в форме образа «России будущего» — стратегическая задача, которая сама может стать консолидирующим национальным проектом. Благодаря доступности медиаресурсов и распространению интернета в выработке консолидирующей цели могут принять участие политические институты, социальные группы и обычные граждане. Интернет-площадки и социальные сети предоставляют «возможности полноценной двусторонней коммуникации и выстраивания субъектно-объектного взаимодействия» [Володенков, 2011: 31]. Не отрицая тактической задачи нейтрализации «виртуальной агрессии», хочется подчеркнуть, что долгосрочная политическая стратегия может быть успешно выстроена только на создании позитивных концептов и образов, обладающих смысловой наполненностью.

Литература:

Алмонд, Верба, 2014. – Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. М.: Мысль.

Андронов, Витт, Хайкин, 1981 – Андронов А. А., Витт А. А., Хайкин С. Э. Теория колебаний. М.: Наука, 1981. 918 с.

Бальбек, 2018 – Бальбек Р.И. Теоретические подходы к исследованию политической стабильности в условиях изменяющейся реальности. Среднерусский вестник общественных наук. 2018. Т. 13, №4. С. 136 – 146.

Володенков, 2011 — Володенков С. В. Политическая коммуникация и современное политическое управление. Вестник Московского университета. Сер 12. Политические науки, 2011, №6. С. 22 – 31.

Гаджиев, Семченков, 2020 – Гаджиев Х. А., Семченков А. С. Индекс устойчивости политической системы: опыт измерений в трех странах. 2020. PolitBook, №1. С. 164.

Гаджиев, 2019 – Гаджиев Х. А. Политическая стабильность: теоретико-методологические проблемы исследования. Поиск. Политика, обществоведение, искусство, социология, культура. 2019, № 2 (73). С. 19 – 28.

Гришин, 2015 – Гришин О. Е. Политическая стабильность: понятие, факторы, инновации. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Теория и практика. 2015, № 6-1 (56). С. 51 – 54.

Ожиганов, 2012 – *Ожиганов Э. Н.* Информационные операции и стабильность политических режимов // Вопросы национальных и федеративных отношений. № 4 (19). 2012. С. 108 – 113.

Семченко, 2015 – *Семченко О. Р.* Политическая стабильность: сущность, понятие, информационные механизмы. Вопросы управления. №1 (32). С. 53 – 59.

Шабров, 1997 – *Шабров О.Ф.* Политическое управление: проблема стабильности и развития. М.: Интеллект, 1997. 200 с.

Шабров, 1999 – *Шабров О.Ф.* Управление и самоорганизация как факторы стабильности и развития. Эффективные технологии в системе государственного и муниципального управления. Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 1999. С.180-194. URL http://shabrov.info/Statji/upr_sam.htm

Ярославцева, 2012а – *Ярославцева А. О.* Сравнительные рейтинги и индексы как инструменты измерения политической стабильности. Вестник РУДН. Серия: Политология. 2012, № 2. С.103-114

Ярославцева 2012б – *Ярославцева А. О.* Политическая стабильность и конфигурации политической элиты: интерпретативный потенциал и границы применимости теоретических подходов: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2012. 25 с.

Ake, 1975 – *Ake C.A* Definition of Political Stability, Comparative Politics. 1975. Vol. 7, No. 2, pp. 271-283.

Margolis, 2010 – *Margolis E, J.E.* Understanding Political Stability and Instability, Civil Wars, 2010, 12 (3), 326-345.

Vallier, 2017 – *Vallier K.* Three concepts of political stability: an agent-based model. Social Philosophy and Policy, 2017, 34(1), 232-259. doi:10.1017/S0265052517000115

Waldner, Lust, 2018 – *Waldner E., Lust D.* Unwelcome change: coming to terms with democratic backsliding. Annual Review of Political Science, 2018, 21. pp. 93–113. <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-050517-114628>

Wisner, 2019 – *Wisner K.* Stability of democracies: a complex systems perspective. European Journal of Physics. 2019. 40 (01400z) pp. 1 – 17. DOI:[10.1088/1361-6404/aab4d](https://doi.org/10.1088/1361-6404/aab4d)

References

Almond, Verba, 2014. – Almond G., Verba S. Grazhdanskaya kul'tura: politicheskiye ustanovki i demokratiya v pyati stranakh. М.: Mysl'.

Andronov, Vitt, Khaykin, 1981 – Andronov A. A., Vitt A. A., Khaykin S. E. Teoriya kolebaniy. М.: Nauka, 1981. 918 s.

Bal'bek, 2018 – Bal'bek R.I. Teoreticheskiye podkhody k issledovaniyu politicheskoy stabil'nosti v usloviyakh izmenyayushcheysya real'nosti. Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk. 2018. T. 13, №4. S. 136 – 146.

Volodenkov, 2011 — Volodenkov S. V. Politicheskaya kommunikatsiya i sovremennoye politicheskoye upravleniye. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser 12. Politicheskiye nauki, 2011, №6. S. 22 – 31.

Gadzhiyev, Semchenkov, 2020 – Gadzhiyev KH. A., Semchenkov A. S. Indeks ustoychivosti politicheskoy sistemy: opyt izmereniy v trekh stranakh. 2020. PolitBook, №1. S. 164.

Gadzhiyev, 2019 – Gadzhiyev KH. A. Politicheskaya stabil'nost': teoretiko-metodologicheskiye problemy issledovaniya. Poisk. Politika, obshchestvovedeniye, iskusstvo, sotsiologiya, kul'tura. 2019, № 2 (73). S. 19 – 28.

Grishin, 2015 – Grishin O. Ye. Politicheskaya stabil'nost': ponyatiye, faktory, innovatsii. Istoricheskiye, filosofskiy, politicheskoye i yuridicheskoye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Teoriya i praktika. 2015, № 6-1 (56). S. 51 – 54.

Ozhiganov, 2012 – Ozhiganov E. N. Informatsionnyye operatsii i stabil'nost' politicheskikh rezhimov // Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnosheniy. № 4 (19). 2012. S. 108 – 113.

Semchenko, 2015 – Semchenko O. R. Politicheskaya stabil'nost': sushchnost', ponyatiye, informatsionnyye mekhanizmy. Voprosy upravleniya. №1 (32). S. 53 – 59.

Shabrov, 1997 – Shabrov O.F. Politicheskoye upravleniye: problema stabil'nosti i razvitiya. M.: Intellekt, 1997. 200 s.

Shabrov, 1999 – Shabrov O.F. Upravleniye i samoorganizatsiya kak faktory stabil'nosti i razvitiya. Effektivnyye tekhnologii v sisteme gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. Rostov-na-Donu: Izd-vo SKAGS, 1999. S.180-194. URL http://shabrov.info/Statji/upr_sam.htm

Yaroslavtseva, 2012a – Yaroslavtseva A. O. Sravnitel'nyye reytingi i indeksy kak instrumenty izmereniya politicheskoy stabil'nosti. Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya. 2012, № 2. S.103-114

Yaroslavtseva 2012b – Yaroslavtseva A. O. Politicheskaya stabil'nost' i konfiguratsii politicheskoy elity: interpretativnyy potentsial i granitsy primenimosti teoreticheskikh podkhodov: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk. M., 2012. 25 s.

Ake, 1975 – Ake C.A Definition of Political Stability, Comparative Politics. 1975. Vol. 7, No. 2, pp. 271-283.

Margolis, 2010 – Margolis E, J.E. Understanding Political Stability and Instability, Civil Wars, 2010, 12 (3), 326-345.

Vallier, 2017 – Vallier K. Three concepts of political stability: an agent-based model. Social Philosophy and Policy, 2017, 34(1), 232-259. doi:10.1017/S0265052517000115

Waldner, Lust, 2018 – Waldner E., Lust D. Unwelcome change: coming to terms with democratic backsliding. Annual Review of Political Science, 2018, 21. pp. 93–113. <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-050517-114628>

Wisner, 2019 – Wisner K. Stability of democracies: a complex systems perspective. European Journal of Physics. 2019. 40 (01400z) pp. 1 – 17. DOI:10.1088/1361-6404/aeb4d